

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Предложение

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ТИПЫ ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Адыгские языки по своим структурным характеристикам относятся к языкам эргативного строя. Как увидим, эргативная конструкция предложения, отличающаяся в этих языках целым рядом специфических признаков своего строения и функционирования, противопоставляется номинативной /абсолютной/ и аффективной конструкциям^{1/}. Соотношение эргативной, номинативной и аффективной конструкций во многом определяется степенью синтеза глагольной лексики, развитием грамматических категорий разных классов слов, характером единиц разных уровней, их иерархической системой и тенденцией развития. Хотя на механизм функционирования эргативной, номинативной и инверсивной конструкций предложения оказывает воздействие совокупность единиц разных уровней, главным дифференциальным признаком остается строение глагола, его семантика, противопоставление транзитивных и интранзитивных форм.

^{1/} В этой книге сохраняются принятые в традиционном языкознании оппозиции 'номинатив - эргатив', 'номинативная конструкция - эргативная конструкция', хотя в соответствии с типологией рассматриваемых языков более адекватны оппозиции 'абсолютив - эргатив', абсолютная конструкция - эргативная конструкция.

Прежде всего отметим, что в западнокавказских языках представлены разные типы эргативной конструкции предложения, относящиеся к разным языковым состояниям и разным хронологическим эпохам. В этом отношении материал западнокавказских языков, бесспорно, представляет значительный интерес для теории и истории эргативного строя языков. Неслучайно исследователи проблемы языков эргативной системы широко использовали данные западнокавказских языков в целях как типологической верификации той или иной теории происхождения эргативности, так и структурной характеристики эргативного строя на различных языковых уровнях.

В типологических исследованиях давно стало общим местом /и это не нуждается в обосновании/, что конструкция предложения приобретает статус эргативности не только при наличии в языке падежного противопоставления, в частности эргатива и номинатива. В абхазском и абазинском языках, не знающих грамматической оппозиции "эргативный падеж — именительный падеж", существует эргативная конструкция, четко реализуемая в глагольной словоформе субъективно-объективными показателями, обнаруживающими синтаксические связи на уровне предложения. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, поскольку он достаточно хорошо оведен в лингвистической литературе.

Абхазско-абазинскому /глагольному/ типу эргативной конструкции в адыгейском, кабардинском и убыхском противостоит комбинированный, т.е. глагольно-именной тип эргативной конструкции, проявляющийся в морфологическом строении как глагола, так и имени. Глагольно-именной тип в транзитивном глаголе /как и в абхазском и абазинском/ выражается субъектно-объектными префиксами, а в имени — эрг. падежом подлежащего и именительным падежом прямого дополнения. Ср. адыг. Пы́ашъэм тхы́льтыр ехы́ 'Девушка несет книгу' /пгъа-шъэм 'девушка' в эргативе, тхы́льтыр 'книгу' в номинативе, ехы́ 'несет' — транзитивный глагол/, каб. Шъак1уэм дьгъуыжъ к1иуыч1ашъ 'Охотник волка убил', убых. Сатанайан амыз дьгъкъ1а 'Сатанай ребенка родила'. Указанный комбинированный тип эргативной конструкции предложения является на-

и более характерным для типологии языков эргативного строя.

Наряду с глагольным и глагольно-именным типами эргативной конструкции встречается именной тип — выражение эргативной конструкции лишь противопоставлением эргатива и номинатива в имени, как это имеет место, например, в лезгинском и агульском языках. В этой связи встает вопрос о диахроническом соотношении разных типов эргативной конструкции. Естественно, что подобный вопрос возможен применительно к генетически родственным языкам. Наша задача — лишь выяснение относительной хронологии типов эргативной конструкции, представленных в западнокавказских языках.

Не вызывает сомнений, что абхазско-абазинский /глагольный/ тип эргативной конструкции предшествует адыгско-убыхскому /комбинированному/ типу /Кумахов, 1972, 953/. Инновационный и локальный характер грамматической категории падежа в западнокавказских языках красноречиво свидетельствует об архаичности глагольного типа эргативной конструкции. Абхазский и абазинский языки продолжают состояние эргативной конструкции, характерное для эпохи западнокавказского языкового единства, в то время как в адыгско-убыхском ареале сложился новый /комбинированный/ тип эргативной конструкции. Разбиение глаголов на лексемы переходной и непереходной семантики, разные строевые качества глагола в зависимости от такого разбиения, обуславливающие своеобразие на уровне предложения, характерны для всех современных западнокавказских языков. Нет никаких доказательств в пользу того, что указанная специфика глагола, создающая глагольный тип эргативной конструкции /при отсутствии падежного противопоставления/, является результатом параллельного развития в западнокавказских языках, а не пережитком их праязыкового состояния.

Напротив, противопоставление эргатива и номинатива в имени — адыгско-убыхское новообразование. Глагольно-именной тип эргативной конструкции предложения в адыгейском и кабардинском восходит к эпохе общеадыгского языкового единства, а в убыхском — к праубыхскому языку. В то же

время механизм функционирования глагольно-именного типа эргативной конструкции в убыхском, адыгейском и кабардинском языках, хотя и проявляет некоторые особенности в каждом языке, в целом остается единым и устойчивым на разных уровнях языка. Кроме того, эргатив, как, впрочем, и номинатив, в адыгейском, кабардинском и убыхском относится к так называемому совмещающему падежу, выполняя функции генетива, датива, локатива и др.

Указанное направление развития типов эргативной конструкции предложения /глагольный тип → глагольно-именной тип/, естественно, нельзя считать единственно возможным, как невозможно, по-видимому, полагать существование универсальных закономерностей сложения и развития самой типологии языков эргативного строя. Анализ материала разных языков, относящихся к эргативной типологии, свидетельствует о возможности разнонаправленных тенденций в развитии и формировании конкретного типа эргативной конструкции предложения. Так, если в западнокавказских языках глагольно-именной тип является непосредственным следствием позднего образования грамматической категории падежа при чрезвычайной устойчивости и древности глагольного /праязыкового/ типа эргативной конструкции, то в некоторых восточнокавказских языках /например, лезгинском и агульском/ утрачено морфологическое выражение эргативной конструкции в глаголе и сложился позднейший тип эргативной конструкции, основывающийся на противопоставлении эргатива и номинатива в имени.

2. ДИАХРОНИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ SOV, OSV ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Комбинированный тип эргативной конструкции предложения включает по меньшей мере три члена предложения — подлежащее, выраженное эргативным падежом, сказуемое, выраженное транзитивным глаголом, прямое дополнение, выраженное номинативом. Ср. адыг. Пыъашъэм тхытьыр ехы 'Девушка книгу несет' /пыъашъэ-м 'девушка' в эргативе, тхытьыр 'книгу' в номинативе, ехы 'несет' — транзитивный глагол/.

Трехчленная конструкция эргативного предложения может быть расширена косвенным дополнением, причем последнее оформляется формативом эргатива -м: Пиъашъэм тхылъыр школым ехы 'Девушка книгу в школу несет'.

Не существует единого традиционного словопорядка эргативной конструкции. Для нее более распространен словопорядок *SOV* /где *S* — подлежащее, *O* — прямое дополнение, *V* — сказуемое/. При наличии двух дополнений — прямого и косвенного — первое предшествует второму. Обращает на себя внимание тот факт, что указанный порядок членов предложения не совпадает с порядком расположения субъектно-объектных показателей в глаголе-сказуемом, характеризующемся твердым порядком *OSV* /где *O* — показатель объекта, *S* — показатель субъекта, *V* — основа глагола/; ср. адыг. уы-сэ-хы 'тебя я несу'.

Характерно, однако, что с порядком расположения субъектно-объектных показателей в транзитивном глаголе-сказуемом /*OSV*/ совпадает и обычный /нейтральный/ словопорядок в эргативной конструкции при наличии определенных семантических условий. Ср., например, адыг. ЧIалэр псым ытхъэлагъ, каб. ШIалэр псым йытхъэлашъ 'Юноша утонул', букв. 'Юношу вода /река/ задушила'; адыг. Бзылъфыгъэр шыблэм ууычIыгъ, каб. Цыжубзыр шыблэм йууычIашъ букв. 'Женщину молния убила. Заметим, что в последнем предложении подлежащее восходит к имени мифологического божества Шыблэ/Шыблэ 'Бог грома и молнии', с чем и согласуется "одушевленная" семантика глагола уычIын 'убить'. В подобных эргативных конструкциях обычный порядок членов предложения повторяет порядок морфем в глаголе, т.е. последовательность компонентов эргативной конструкции на обоих уровнях — морфологическом и синтаксическом — идентична. Разумеется, возможна конструкция адыг. Псым чIалэр ытхъэлагъ, каб. Псым шIалэр йытхъэлашъ букв. 'Вода юношу задушила' как и возможна Тхылъыр пиъашъэм йэхы букв. 'Книгу девушка несет'. Но речь идет о стилистически нейтральном словопорядке и синтаксической инверсии. Если в эргативной конструкции предложения Пиъашъэм тхылъыр йэхы 'Девушка книгу несет' словопорядок *SOV* является обычным, традиционным, то

в эргативной конструкции предложения Пы̆ашьэр псым ытхьэлагъ букв. 'Девушку вода /река/ задушила' таким же обычным и традиционным оказывается словопорядок OSV. Такое же соотношение отмечается между синтаксически инверсионными конструкциями: в эргативной конструкции предложения Тхы̆тыр пы̆ашьэм йэхьы 'Книгу девушка несет' словопорядок OSV маркирован стилистически в той же степени, что и словопорядок SOV в эргативной конструкции предложения Псым пы̆ашьэр ытхьэлагъ букв. 'Вода девушку удушила'.

В основе сосуществования двух равноправных, т.е. одинаково традиционных /стилистически немаркированных/ словопорядков эргативной конструкции предложения /SOV, OSV/ диахронически, может быть, лежат семантические особенности. Эргативные конструкции предложения, имеющие словопорядок OSV, не так многочисленны по сравнению с вариантом SOV. Однако существо дела заключается не в количестве синтаксических единиц, а в наличии в языке эргативного строя эргативной конструкции предложения с обычным традиционным словопорядком OSV, повторяющим аранжировку морфем в транзитивном глаголе,

Нетрудно заметить, что глаголы эргативной конструкции предложения с словопорядком OSV входят в определенный класс, т.е. характеризуются некой семантической детерминантой одушевленности, ср. тхьэлэн 'задушить, умертвить', уычлын 'убить' и др. В то же время обращает на себя внимание семантика субъекта действия в эргативных конструкциях предложения с словопорядком OSV. Имена пы̆блэ, пы̆ыблэ 'молния' / — 'бог грома и молнии' /, псы 'вода, река' и др. в позиции подлежащего /эргатива/ образуют словопорядок OSV, в то время как имена лӀы 'мужчина', пы̆уызы, фыз 'женщина', чы̆алэ, шы̆алэ 'юноша, парень', пы̆ашьэ 'девушка' и др. в той же позиции эргатива создают эргативную конструкцию предложения с словопорядком SOV. Ср. каб. словопорядок OSV: ЛӀыр псым пы̆тхьэлашъ 'Мужчину вода /река/ задушила'; словопорядок SOV: ЛӀым дыгъуыжыр йытхьэлашъ 'Мужчина волка задушил /удавил/'.

Вместе с тем представляется очевидным, что словопорядок в эргативной конструкции предложения определяется коммуникативным заданием. В разных эргативных конструкциях предложения выделяются разные коммуникативные части - или в терминах актуального членения - тема и рема. В эргативной конструкции с нейтральным словопорядком *SOV* темой, т.е. исходным пунктом является *S*, а в эргативной конструкции с нейтральным словопорядком *OSV* темой оказывается *O*. В обеих традиционных и стилистически нейтральных моделях тема расположена перед ремой, при этом важно подчеркнуть, что *OSV* не является экспрессивным вариантом *SOV*, как это имеет место при обычном актуальном членении предложения. Конструкции типа *SOV* Л1ым дыгъуы-жыр йытхэлаш 'Мужчина волка задушил' имеет свое актуальное членение и свои экспрессивные варианты *OSV*, *VOS*, *SVO* и др., как и конструкции типа *OSV* Л1ыр псым йытхэлаш букв. 'Мужчину вода /река/ задушила' имеет свое актуальное членение и свои экспрессивные варианты *SOV*, *VOS*, *SVO* и др. Иными словами, деление эргативных конструкций предложений на традиционные *SOV*, *OSV* не имеет отношения к актуальному членению в том смысле, что оба варианта сохраняют стилистически нейтральный порядок слов.

Можно воздержаться от вывода относительно происхождения эргативной конструкции предложения в западнокавказских языках. Не может быть принято известное положение, согласно которому в абхазском языке эргативное построение переходного глагола вышло из поссесивного. Заметим, что эргативное построение переходного глагола имеет общее происхождение во всех западнокавказских языках, поскольку представляется очевидным тот факт, что оно унаследовано от праязыкового состояния. Как отмечалось в литературе /Климов, Алексеев 1980, 61/, нельзя согласиться с существующей точкой зрения, что в адыгских языках эргативный строй восходит к номинативному. Это мнение, по-видимому, основано не только на неразличении языково-

го строя /типа/ и синтаксической конструкции предложения, но и на чисто морфологическом строении подлежащего, выраженного номинативом или эргативом.

Вместе с тем при решении вопросов истории и теории эргативности, по-видимому, должно быть учтено диахроническое соотношение двух традиционных слово порядков /SOV, OSV/ эргативной конструкции предложения. Не может быть случайным тот факт, что один из традиционных слово порядков эргативной конструкции предложения /SOV/ является конвертированным порядком морфем субъектно-объектного транзитивного глагола, а другой не менее традиционный слово порядок /OSV/ представляет собой повторение аранжировки морфем того же транзитивного глагола /ср. адыг. уы-сэ-хы букв. 'тебя я несу'/ . В порядке гипотезы можно сказать, что в диахроническом плане инверсия произошла не на уровне морфологии, а на уровне синтаксиса. В пользу этого говорит ставшее уже общепризнанным положение о транспозиции лексических и синтаксических единиц в морфологические. Иными словами, глагольная словоформа сохраняет не только исходную аранжировку субъектно-объектных показателей в эргативной конструкции, но и отражает исходный традиционный слово порядок в предложении. Это предполагает, естественно, возведение конвертированного слово порядка SOV к слово порядку OSV, повторяющему строение транзитивного глагола. Принятие этого положения приводит к тому, что в эргативной конструкции предложения диахронической темой, т.е. исходным пунктом высказывания могло быть также логическое подлежащее, как это наблюдается в конструкциях типа OSV /ЛӀыр псым ытхӀэлаш 'Мужчина утонул', букв. 'Мужчину вода задушила'/ . Было бы по меньшей мере некорректным считать, что указанные особенности являются универсальными, хотя они могут пролить дополнительный свет на историю сложения эргативного строя как языкового типа. Однако закономерности сложения и эволюции самой эргативной конструкции предложения, ее структурных типов могут быть разными в разных языках.

В настоящее время было бы также анахронизмом возвра-

чение к старой теории, согласно которой синтаксические конструкции /в том числе possessивная, эргативная и др./ отражают уровень развития мышления. Типология языков эргативного строя, как и типология номинативного или иного языкового строя, не связана с уровнем развития мышления. На наш взгляд, было бы также рискованным утверждать, что существуют универсальные закономерности, обуславливающие последовательную смену одного языкового типа другим. Невозможно также отнесение в каждом случае одного языкового типа к архаичной ступени, а другого — к последующей фазе. Констатация смены одного языкового строя другим в пределах определенной языковой семьи или языкового ареала, по-видимому, не в состоянии подтвердить существование универсального поэтапного сложения и развития языковых типов.

2. ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

В связи с рассматриваемой проблемой представляют немалый интерес факты перерождения одного типа синтаксической конструкции в другой, представленные в языках эргативного строя. Вопросы перестройки эргативной конструкции, ее морфологических, синтаксических и лексических компонентов детально освещаются в ряде работ П.М.Багова, выявившего разные группы глаголов ущербной парадигмы, диахронически или в иных окружениях создающих эргативные построения предложения /Багов, 1970; 1972; 1976; 1977/. Если исходить из положения, что обязательными компонентами эргативной конструкции предложения в ее наиболее классическом виде /речь идет о глагольно-именном типе/ являются подлежащее в эргативе, прямое дополнение в номинативе и транзитивный глагол/, то могут быть разные синтаксические конструкции, характеризующиеся разным статусом с точки зрения указанной формулы эргативности.

Имеются случаи как полного перерождения эргативной конструкции, так и контекстуальной ее перестройки. Есть основания говорить о перерождении эргативной конструкции

предложения, если в данной конструкции отсутствие одного из ее основных членов не связано с контекстуальными условиями. С точки зрения исходной /диахронической/ функции членов предложения могут быть выделены следующие типы конструкции /S - подлежащее в эргативе, O - прямое дополнение, O₁ - косвенное дополнение, V - транзитивный глагол/:

1. OV - пшагъуэр кыытырихуашь 'туман выпал', йыльэсыр йыуыхашь 'год кончился', гъавэр йэсыж 'урожай горит'/в значении 'гибнет от жестокой засухи'/.
2. O₁V - махуэм шигъуашь 'день прибавился', шэм чырычашь 'молоко сократилось'.
3. O₁OV - уынэм жьы кыышлехуэ 'в комнате продувает', гъуэгуым сабэ тырихъашь 'улица покрылась пылью'.
4. SV - сабийм кылежнхь 'ребенок бежит', пшъашьэм кыледжэдыхь 'девушка шатается /бродит/'.
5. SO₁V - ллым гъуэгуым дидзыхашь 'мужчина свернул /сошел/ с дороги', шуум йыпшъэчлэ дырылуэнтлешь 'всадник направился в сторону юга'.

Приведенные конструкции /они не исчерпывают всего многообразия их типов/ не отвечают эталону эргативной конструкции, если даже исходить из диахронической структуры их компонентов: отсутствует подлежащее или прямое дополнение, хотя глагол всюду /во всяком случае диахронически/ относится к транзитивному классу. Но суть перестройки состоит в том, что диахроническое строение не соответствует синхронному. Так, конструкция с диахроническим строением OV йыльэсыр йыуыхашь 'год кончился' в синхронном плане не может быть отнесена не только к разновидностям эргативной конструкции, но и к указанному типу OV. В этой конструкции диахроническое прямое дополнение преобразовано в подлежащее, т.е. произошла перестройка OV → SV. Хотя в основе перестройки этой конструкции исторически лежит эллипсис, ее нельзя отнести к эллиптическим синтаксическим построениям при синхронном анализе: утрачены морфолого-синтаксические связи транзи-

тивного глагола с именными компонентами бывшей эргативной конструкции предложения, не восстанавливается исходное подлежащее в эргативе, т.е. его отсутствие не является уже эллиптическим, что и приводит к преобразованию эргативной конструкции в другую синтаксическую конструкцию. Речь идет о том, что синтаксическая конструкция, диахронически имевшая строение *SOV*, преобразуется в *SV*, причем преобразование конструкции обусловлено не только эллипсисом, т.е. элиминированием диахронического подлежащего /выраженного эргативом/, но и трансформацией функций оставшихся двух членов предложения. Диахроническое прямое дополнение /*V*/ преобразуется в подлежащее /*S*/, а транзитивный глагол, хотя внешне сохраняет свою форму, приобретает статус интранзитивного глагола. Конструкции типа пшагъуэр кытырихуашь 'туман выпал', нэху кыишлашь 'стало светло' не включают /при их синхронной характеристике/ прямого дополнения — одного из основных членов предложения эргативного строя. Отсюда правомерно говорить о преобразовании диахронически эргативной конструкции в номинативную.

В рассматриваемой группе синтаксических конструкций выделяются и эллиптические конструкции типа каб. шлалэр 1уырихашь 'парень заснул', гъавэр йэсыж 'урожай горит /гибнет от жестокой засухи/', восходящие к эргативному построению. Ср. жейм шлалэр 1уырихашь /1уихашь/ букв. 'сон парня унес', дыгъэм гъавэр йэсыж букв. 'солнце уро- жай сжигает'. В эллиптических конструкциях типа шлалэр 1уырихашь 'парень заснул', гъавэр йэсыж 'урожай горит' первый /препозитивный/ член, хотя и восходит к прямому дополнению, выраженному номинативом, воспринимается как подлежащее. К трехчленным эргативным конструкциям возво- дятся также двучленные построения типа каб. йыбзэр йыубы- дашь 'он лишился речи', дыгъэр йыубыдашь 'солнце остано- вилось', мазэр йыубыдашь 'луна остановилась' и др., где некогда производителем действия воспринималась некая внеш- няя сила. Ср. благуэм дыгъэр йыубыдашь 'чудовище остано- вило/схватило/солнце'.

В конструкциях типа махуэм ш1игъуашъ 'день прибавился' отсутствует не только диахроническое подлежащее, но и диахроническое прямое дополнение, т.е. из необходимых членов эргативной конструкции *SOV /OSV/* наличествует только глагол-сказуемое */V/*. В трехчленных конструкциях типа каб. уынэм жьы кьыш1екуэ 'в комнате продувает' отсутствует диахроническое подлежащее, выраженное эргативным падежом, а в синхронном плане в роли подлежащего воспринимается диахроническое прямое дополнение */жьы* 'ветер'/. Прямое дополнение элиминировано в конструкциях типа сабийм кьележыхъ 'ребенок бежит', л1ым гъузгуым дидзыхашъ 'мужчина свернул /сошел/ с дороги', причем последнее предложение нельзя считать эллиптическим, поскольку контекстуально не восстанавливается прямое дополнение. Ср., однако, шуум кь1игъэзашъ 'всадник повернулся сюда', шум йышъхьэр кь1игъэзашъ 'всадник повернул сюда свою голову', где прямое дополнение легко восстанавливается.

Материал показывает, что процесс перестройки эргативной конструкции протекает неравномерно, порождая также переходные, незавершенные в своем развитии явления. Однако в целом все же довольно четко проявляется тенденция к преобразованию строения большого числа/и разнообразных по своему лексическому строению/эргативных конструкций предложения, что подтверждает возможность преобразования эргативной конструкции в номинативную.

Вместе с тем в адыгских языках отмечаются также некоторые противоположные тенденции, связанные с перестройкой строения глагола. Речь идет о преобразовании интранзитивного глагола по модели субъектно-объектного транзитивного глагола, что в конечном счете приводит к снятию их морфологического противопоставления. Так, в адыгейских диалектах засвидетельствован факт перестройки традиционного расположения субъектно-объектных префиксов интранзитивного глагола по принципу их аранжировки в транзитивном глаголе. Ср., например, в абадзехском диалекте: уысэ-дз1у 'я слушаю тебя' /вместо сы-уэ-дз1у/, уы-тэ-дз1у

'мы слушаем тебя' /вместо ты-уз-дэлу/ и т.д. Здесь налицо усиление признаков эргативности глагола-сказуемого за счет деградации строения интранзитивного глагола, Подобные явления /они относятся к очевидным новообразованиям/ свидетельствуют все же о том, что в языках эргативного строя могут быть разнонаправленные тенденции, хотя степень их интенсивности различна в разных языках.

Наряду с некоторыми признаками деградации строения интранзитивного глагола обращают на себя внимание морфологические особенности именного члена /подлежащего/ номинативной конструкции предложения. В то время как окончание -м в субъектной позиции эргативной конструкции утвердилось как падежный формант, окончание -р в субъектной /и объектной/ позиции номинативной конструкции чередуется с нулем, являясь лишь показателем определенной /артиклевой/ формы. Иными словами, номинатив остается в нулевой форме, тогда как эргатив в той же позиции оформляется специальным падежным окончанием /если не считать личных местоимений и некоторых других групп слов, словоформ, не знающих противопоставления номинатива и эргатива/. Однако подобное соотношение форм выражения падежа номинатива и эргатива не является доказательством того, что эргативному строю предшествует номинативный. Поскольку в адыгских языках эргативная конструкция относится к комбинированному /глагольно-именному/ типу, недостаточен учет строения только именного компонента, не говоря уже о том, что очевидна производность глагольно-именного типа от более архаичного глагольного. Кроме того, в адыгских языках наличие или отсутствие падежного окончания номинатива при наличии специального эргативного падежа, управляемого транзитивным глаголом, не может быть решающим для выяснения диахронического соотношения разных языковых типов — эргативного и номинативного.

4. К ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АФФЕКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Следует сказать несколько слов об инверсивных /аффективных/ конструкциях. Аффективные глаголы типа адыг., каб. йы1эн 'иметь', адыг. фэйэн, каб. хуэйын 'хотеть', ф1эф1ын 'желать' и многие другие имеют довольно прозрачное именное происхождение. Что касается их морфологического строения, то они характеризуются ущербной парадигмой, изменяясь лишь по принципу статических глаголов. Указанные особенности /не говоря уже о других строевых признаках/ не оставляют сомнения в том, что разбираемые аффективные глаголы /они составляют основную группу этих лексем/ носят инновационный характер. Это положение невозможно игнорировать при решении относительной хронологии аффективных конструкций и их отношения к эргативной конструкции в адыгских языках. Указанное положение, может быть, не следует распространять на все западнокавказские языки. Во всяком случае, вопрос об аффективных конструкциях предложения требует более детального анализа с точки зрения их сложения и отношения к другим синтаксическим конструкциям.

5. К ТЕОРИИ И ИСТОРИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Решение вопросов структуры предложения, путей его становления тесно связано также с выяснением природы и относительной хронологии так называемых инфинитных обстоятельственных конструкций. В адыгских языках /да вообще во всей группе западнокавказских языков/ обстоятельственные инфинитные конструкции характеризуются своеобразием морфологического строения, что и во многом определяет соотношение простого и сложного предложения. Временные, пространственные, условные, причинные, целевые и другие отношения, выражающиеся во многих языках с помощью придаточных предложений, в этой группе языков передаются путем аффиксальных форм. Спорным вопросом описательной грамматики абхазо-адыгских языков является сущность этих аффиксальных форм, функционально соответству-

ющих придаточным предложениям. Представляется очевидным, что разбираемые формы с грамматической точки зрения не образуют придаточного предложения, а лишь функционально, точнее — семантически — тождественны ему. Формы типа абх. д-ан-неиз, каб. кыы-щы-к1у-а-/м/ 'когда он пришел', абх. д-ахь-неиз, каб. здэ-к1у-а-/м/ 'куда он пришел', абх. д-ыш-неиз, каб. кыы-зэры-к1у-а-/м/ 'как он пришел' не могут быть квалифицированы как придаточные предложения и в том случае, если они употребляются с подлежащим и второстепенными членами предложения. Грамматическим инвариантом конструкции Уэ сэ уыкыыштысхуэк1уам /каб./ 'Когда ты ко мне приходил' выступает форма уыкыыштысхуэк1уам 'когда ты ко мне приходил'. Если даже исключена возможность чередования подлежащего и дополнения с нулем, то и в этом случае нельзя отождествлять конструкции разбираемого типа с придаточными предложениями. Так, конструкция ш1алэр пыъашэм кыыштысхуэк1уам 'когда молодой человек пришел к девушке' не допускает замены подлежащего и дополнения нулем. Однако по своей модели эта конструкция тождественна конструкции Ар абы кыыштысхуэк1уам 'Когда он пришел к ней', допускающей чередование подлежащего /ар/ и дополнения /абы/ с нулем: кыыштысхуэк1уам 'когда он пришел к ней'. При определении статуса конструкции типа ар абы кыыштысхуэк1уам грамматическим инвариантом на уровне предложения оказывается глагольная форма, включающая не только грамматические показатели подлежащего и дополнения, но и морфемные элементы, выражающие временные, причинные, целевые и другие обстоятельственные отношения. Глагольная форма представляет собой сочетание корневой морфемы с аффиксальными морфемами, т.е. единицу морфологического уровня. Подобные единицы должны быть предметом изучения морфологии, хотя они используются как составные элементы для построения предложения.

Предложение Ар абы кыыштысхуэк1уам жи1ашь 'Когда он пришел к ней, он сказал' не включает ни подчинительного союза, ни относительного местоимения в функции союза. А

для сложноподчиненного предложения одним из основных конструктивных элементов является именно вводящий придаточную часть подчинительный союз или относительное местоимение, чего не достаёт предложениям типа Ар абы кышыыхуэкиуам жиашь 'Когда он пришел к ней, он сказал', хотя многие авторы рассматривают их как сложноподчиненные предложения. Кроме того, форма кышыыхуэкиуам 'когда он пришел к ней' является инфинитной, т.е. отличается по своей форме и содержанию от сказуемого, выступающего центральным конституирующим членом предложения.

Другое дело — сложные предложения, включающие абх. акыныт1у /букв. 'от того'/'потому, так как', азы 'для того, поэтому', адыг. сыда п1уэмэ, каб. сыт шьхьэч1э жып1э-мэ 'потому что', адыг. ашь ккыхьэч1ыч1э, каб. абы кыыхьэч1э 'потому, вследствие этого' и др. В самом деле, сложные предложения типа абх. Сара апара сымамыэт1, акыныт1у ашукы1у сзаамхуейт1 'Я не имел денег, поэтому не смог купить книгу' /Аристава, Бгажба, Шакрыл, Чкадуа, 1969, 432/, каб. Иджыпстуч1э ар апхуэдэу нэм кылыуридээр-кы1ым, сыту жып1эмэ а ш1алэхэм йаш1а ш1агуэз шы1экы1ым 'В настоящее время это не так заметно, потому что эти молодые люди создали /написали/ пока не очень много' встречаются в современных абхазско-адыгских языках. По своей структуре эти предложения могут быть отнесены к разряду сложноподчиненных. Однако возникает вопрос о происхождении этих предложений, их удельном весе, степени их распространения и условиях их функционирования в современных западнокавказских языках. На этот счет существуют разные мнения. Одни авторы относят эти предложения к синтаксическим инновациям разбираемой группы языков. При этом отмечается, что предложения анализируемого типа стилистически маркированы, т.е. сфера их употребления ограничена в основном письменной речью, испытывающей на себе влияние синтаксических моделей русского языка. Другие авторы считают, что сложноподчиненные предложения относятся к древнейшим периодам развития западнокавказских

языков. Справедливо отмечая неправомерность отождествления конструкций, именуемых в описательных грамматиках придаточными временными, условными, подлежащими, дополнительными и т.д., с придаточными предложениями, сторонники последней точки зрения к сложноподчиненным относят предложения с союзами типа сыда плуэмэ. Не вызывает возражений, что предложения типа Чіэлэйгъаджэр йэджапІэм ккьэкІуагъэп, сыда плуэмэ ар сымэджэшы́м чІьэлъ 'Учитель не пришел в школу, потому что он лежит в больнице' по своей структуре могут быть отнесены к сложноподчиненным предложениям. Однако при нынешнем состоянии изученности исторического синтаксиса западнокавказских языков было бы несколько преждевременным утверждать, что сложноподчиненные предложения во всей группе этих языков принадлежат к числу древнейших синтаксических явлений, восходящих к эпохе западнокавказского языкового единства. Во всяком случае, пока не удастся в этих языках выявить ни общей модели сложноподчиненного предложения, ни общего /реконструированного/ подчинительного предложения, ни общего /реконструированного/ подчинительного союза, вводящего придаточную часть предложения.

Что же касается предложений с элементами типа абх. акы́нътІу 'поэтому, так как', адыг. сыда плуэмэ, каб. сыту жыпІэмэ, сыт шхьэчІэ жыпІэмэ 'потому что', то нельзя не признать, что в современных западнокавказских языках их функционирование стилистически маркировано. Было высказано мнение, что в адыгейском языке формирование некоторых типов предложений происходит под влиянием синтаксической системы русского языка /Кумахов, 1967, 163/. К такому же мнению приходят специалисты в отношении предложений с элементами акы́нътІу 'поэтому, так как', азы 'для того, поэтому' в абхазском языке.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что степень распространения и стилистической нагрузки сложноподчиненных предложений неодинакова в разных языках. В этом отношении отмечаются расхождения даже между близкородственными /например, адыгскими/ языками.

Так, в кабардинском языке предложения с союзами типа сыту жып1эмэ, сыт шхъэч1э жып1эмэ 'потому что' преимущественно встречаются в письменной речи, испытывающей на себе влияние синтаксических моделей русского языка. Для языка нартского эпоса и устного народного творчества кабардинцев, сохраняющего более устойчивые, исторически исходные синтаксические модели, не характерны рассматриваемые сложные предложения, что наталкивает на мысль о возможности их становления и формирования в более поздний период, когда развитие кабардинского языка /в особенности в его письменно-литературной форме существования/ происходит под воздействием иной языковой среды. В пользу этого говорит не только стилистическая маркированность сложноподчиненных предложений, малочисленность их типов в этом языке, но, что весьма существенно, их отсутствие в родственном убыхском языке, развивающемся в других лингвистических и исторических условиях. Отсутствие сложноподчиненных предложений с подчинительными союзами указанного типа в убыхском языке, занимающем по своей структуре особое положение между двумя полярными подгруппами — абхазской и адыгской — не может быть не учтено при решении вопроса о происхождении предложений с союзами типа каб. сыту жып1эмэ, сыт шхъэч1э жып1эмэ 'потому что'. Следует сказать и несколько слов о синтаксических особенностях убыхского языка. Как известно, убыхский язык представлен в Турции, куда его носители переселились во второй половине XIX столетия. В лингвистическом отношении убыхский язык образует промежуточное звено между западнокавказскими языками, хотя степень его близости к двум подгруппам — абхазской и адыгской — различна на разных уровнях языковой структуры. Основные синтаксические явления убыхского языка вписываются в общую синтаксическую систему западнокавказских языков. Синтаксические явления, сближающие убыхский язык с другими западнокавказскими языками, относятся к разным хронологическим периодам. Одни из них восходят к западнокавказскому языковому единству. Другие являются продуктом параллельного

развития общих синтаксических тенденций в западнокавказских языках. Убыхский язык в области синтаксиса обнаруживает также целый ряд специфических явлений, образованных в период его индивидуального развития. Кроме того, синтаксис убыхского языка представляет интерес с разных точек зрения. Прежде всего, показательное строение предложения в этом языке. Убыхский материал может способствовать решению спорных вопросов структуры предложения в западнокавказских языках. В силу того, что убыхский язык развивается в других лингвистических окружениях, его материал позволяет выяснить синтаксические явления, возникшие в других западнокавказских языках под влиянием иной языковой среды, что существенно для решения некоторых вопросов синтаксиса, в том числе структуры простого и сложного предложений в этих языках. В целом убыхский язык дает интересный материал для освещения общетеоретических вопросов, относящихся к проблеме проницаемости синтаксиса и шире — языка.

Обращает на себя внимание состав слов, используемых в функции союзов. Абх. акы́ныт́у букв. означает 'от того' и восходит к составному послелогу: абх. кы́ны + т́у 'от'. Позднейший характер каб. сыту жып́лэмэ, сыт шьхьэч́лэ жып́лэмэ 'потому что', /с послеложной формой шьхьэч́лэ: уэ шьхьэч́лэ 'для тебя' очевиден. Ср. также сочетание указательного местоимения ашь /адыг./, абы /каб./ с глагольной формой ккыхьэч́лыч́лэ /адыг./, кы́ыхэч́лч́лэ /каб./: адыг. ашь ккыхьэч́лыч́лэ, каб. абы кы́ыхэч́лч́лэ 'поэтому, вследствие этого'. Иными словами, разбираемые элементы в функции союзов относятся к позднейшим новообразованиям. Очевидно также позднее происхождение некоторых других слов и словосочетаний /т.е. вторичность их функциональной перестройки/, нередко рассматриваемых в специальной литературе в качестве союзов.

В связи с вопросом о строении предложений в западнокавказских языках представляется необходимым отметить, что влияние одного языка на другой в области синтаксиса относится к явлениям довольно распространенным в языках

не только генетически родственных, но и неродственных. Правда, по этому вопросу существуют разные мнения. Одни исследователи допускают возможность заимствования совершенно новых синтаксических конструкций. На этой точке зрения стоят многие советские и зарубежные лингвисты. Имеются, однако, сторонники противоположного мнения, согласно которому в языке может укрепиться лишь такая конструкция, которая в какой-то мере соответствует общей тенденции развития синтаксической структуры данного языка. Так или иначе представляется бесспорным, что синтаксическая система языка относится к проницаемым уровням языка. Это положение трудно доказать, когда речь идет о контактировании родственных или близкородственных языков. Проницаемость синтаксической системы доказывается, однако, на материале многих языков народов СССР, развивающихся под влиянием неродственных языков.

В заключение хотелось бы отметить еще одну особенность строения предложения в исследуемых языках. Следует подчеркнуть, что полисинтетизм глагольной лексемы, унаследованный от западнокавказского праязыкового состояния, порождает варьирование структуры предложения в большей степени, чем агглютинация или аналитизм. Характер вариантности, ее диапазон зависит от глубины и степени синтеза. В одних случаях и подлежащее, и дополнение с грамматической точки зрения выступают как позиционно необусловленные варианты, а в других — они отмечены грамматически или стилистически. Это явление в какой-то мере можно сравнить с так называемым внутренним /избыточным/ дополнением в индоевропейских языках. Однако то, что является частным явлением в индоевропейских языках, получило широкое распространение в языках полисинтетического типа, охватывая не только дополнение, но и подлежащее, т.е. то, что некоторые авторы считают одним из двух основных членов ядра предложения. Указанной особенностью объясняется то обстоятельство, что выделяемые в грамматиках разбираемых языков типы предложения при анализе их структуры с грамматической точки зрения часто оказываются лишь вариантами предложения.